

лопеническом городище в оборонительных целях так же, как это предполагает А. Г. Митрофанов в отношении каменных скоплений на среднебелорусских памятниках⁵. В ходе раскопок не удалось выявить жилых сооружений, но о том, что они существовали, говорит ряд косвенных данных. После выборки культурного слоя в материке выявлено большое количество столбовых ям, относящихся к различным периодам в существовании поселка, а также несколько хозяйственных ям, предназначенных для хранения продуктов, которые обычно располагались вблизи домов.

Среди находок, обнаруженных в культурном слое, самую многочисленную категорию составляют фрагменты лепных сосудов, относящихся к двум археологическим культурам: милоградской и зарубинецкой. 15% черепков покрыты штриховкой, но ввиду того, что ни баночные, ни остроредерные формы горшков, характерные для культуры штрихованной керамики, на городище не обнаружены, нет оснований связывать штрихованные обломки сосудов с вышеназванной культурой. Помимо керамики напластования культурного слоя содержали большое количество костей животных, свидетельствующих о занятии местного населения скотоводством и охотой. Индивидуальные находки из раскопок городища единичны, почти все они залежали в культурном слое на уровне второго пласта. Среди изделий из металла при раскопках обнаружен железный жатвенный нож (рис. 1, 10). Известно, что жатвенные ножи бытовали длительное время. Они появились в середине I тыс. до н. э., а исчезли лишь спустя тысячелетие⁶. Помимо жатвенного ножа, железные изделия представлены обломком наконечника копья (рис. 1, 9), по которому, к сожалению, невозможно реконструировать форму копья и определить время его бытования. О том, что жители городища занимались прядением, говорят находки пряслиц (рис. 1, 1—6). Всего их обнаружено шесть штук, из них три целых и три фрагмента. Пряслица сделаны из хорошо отмученной обожженной глины, но их обработка выполнена небрежно. Большинство их имеет неровную поверхность, уклон либо к центру, либо к краю. У одного из пряслиц отверстие просверлено не по центру, а у другого оно неправильной круглой формы. Среди находок есть и изделия из бронзы. Они представлены двумя украшениями: браслетом (рис. 1, 8) и подвеской (рис. 1, 7). От браслета уцелело два крупных фрагмента и ряд мелких. Он был изготовлен из отдельных бронзовых пластинок шириной 0,5—0,6 см, соединенных вместе. Характер крепления полос не

ясен, возможно, это была сварка. Работа по изготовлению браслета не отличалась особым мастерством. Об этом свидетельствует внутренняя сторона украшения, где видно, как полосы пересекают друг друга при замысле частичного соприкосновения в местах крепления. Нужно отметить, что среди древностей раннего железного века Белоруссии и смежных территорий аналогичные поделки неизвестны. Бронзовая подвеска, обнаруженная недалеко от браслета, имеет форму, близкую к трапециевидной. Длина ее 2,5 см. Такие подвески известны среди древностей зарубинецкой культуры⁷. Раскопки городища у д. Холопеничи показали, что поселение служило местом обитания носителей милоградской и зарубинецкой культур, позволили выделить ряд этапов в развитии фортификационных сооружений этого памятника и дали новый материал для характеристики материальной культуры населения Полесья в раннем железном веке.

¹ Опросный лист Наркомпроса БССР, 1923, оп. I, д. 69, с. 115.

² Рынейскі А. Археалагічная разведка на р. Пціч.— Працы, т. 3, с. 197.

³ Мельниковская О. Н. Отчет о работах Гомельского отряда Верхнеднепровской экспедиции ИИМК СССР в 1957 г.— АИИ АН БССР, д. 26, с. 13—14; Седов В. В. Отчет о полевых археологических работах на территории Белорусской ССР в 1961 г.— АИИ АН БССР, д. 115, с. 15; Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Мн., 1974, с. 263—265; Егорейченко А. А. Обследование памятников в бассейне Лани и Птичи.— АО—1977. М., 1978, с. 413.

⁴ Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии.— Мн., 1978, рис. 4 (3), рис. 7 (1,3—5); Он же. Отчет о полевых работах в 1975 г.— АИИ АН БССР, д. 519, рис. 1; Шут К. П. Городище Кубличи Ушачского р-на.— В сб.: Древности Белоруссии. Мн., 1969, с. 265.

⁵ Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии, с. 19.

⁶ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.— МИА, № 174. М., 1971, с. 68.

⁷ Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии, 1974, рис. 14 (8).

В. КАЗАКЯВИЧЮС

БОЕВЫЕ ТОПОРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛИТВЫ И БЕЛОРУССИИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Топор в I тысячелетии н. э. был в жизни обитателей Литвы незаменимым орудием при подготовке земли для подсечного земледелия, с его помощью строили хозяйственные и жилые помещения, изготавливали хозяйственный инвентарь. В первых веках нашей эры в Литве распространяется обычай класть в могилы мужчин железные топоры. В могильни-

ках Литвы обнаружено свыше 1000 узколезвийных и втульчатых топоров¹. С середины I тысячелетия н. э. в Литве начинают появляться мужские погребения с богатым оружием. Вместе с обычным оружием того времени — копьем — чаще в могилы начинают класть боевые ножи, щиты с железной оковкой и умбомом, появляются привозные двухлезвийные и местные однолезвийные мечи, а также боевые топоры.

Археологическая литература о топорах обширна, но посвящена в основном топорам конца I — начала II тысячелетия н. э. Из последних работ советских археологов интересны исследование А. Н. Кирпичникова², работы Р. Волкайте-Куликаускаене³ и статья латышского археолога М. Атгазиса⁴. М. Атгазис свое исследование посвятил латгальским рабочим и боевым топорам IX—XII вв. Статью о восточнолитовских боевых топорах I тысячелетия н. э. написал А. Тауавичюс⁵. Он уточнил хронологию боевых топоров со щекавицами — выступами по обеим сторонам проуха.

Из 530 узколезвийных проушных топоров I тысячелетия н. э. к боевым можно отнести только 21 топор. Узколезвийные проушные боевые топоры литовцев исследователи разделяют на две группы: I — узколезвийные орнаментированные топоры (рис. 1:1) и II — топоры со щекавицами — выступами по обеим сторонам проуха⁶ (рис. 1:2). Обе группы немногочисленны. Топоров I группы в Литве насчитывается 9, II группы — 12. Они обнаружены в ареале восточнолитовских курганов. Поэтому в статью включены еще четыре топора со щекавицами-выступами, найденные в курганах восточнолитовского типа в Будрянах (Островецкий р-н) и Сморгони Гродненской обл.

Разница между боевыми и рабочими топорами незначительна, отличить их трудно. Но все-таки по некоторым деталям их можно дифференцировать. Боевые топоры длиннее рабочих и имеют узкое туловище. Кроме того, спинка обуха боевых топоров более удлиненная. Главный отличительный признак — орнаментация. Орнамент топоров несложный. Чаще всего по краям обуха, туловища и корпусу сделаны вырезки, которые иногда имеются и на верхней части обуха. Такой орнамент у топоров из Няравай-Григишкес Тракайского и Памусяй Варенского районов. У топора из Таурапилиса Утенского р-на сделаны маленькие вырезки треугольной формы (рис. 2). Иногда встречаются выбитые ямочки (Пяркаляй Молетского р-на), поперечные линии на туловище (Дукштас Зарасайского р-на). В некоторых случаях встречаются и вы-

резки и поперечные линии или поперечные ямочные линии на туловищах топоров.

Если боевые орнаментированные топоры по форме трудноотличимы от рабочих топоров середины и второй половины I тысячелетия н. э., то топоры второй группы уже имеют своеобразную форму (рис. 1:2). У них массивный обух (А), длинные щекавицы-выступы (Г), узкое туловище (Д) и расширяющиеся в обе стороны лезвия (В). Рассмотрим отдельные топоры обеих групп.

1. Орнаментированные боевые топоры. На раскопках 1970—1971 гг. в курганном могильнике Таурапилис⁷, в кургане 1 (погребение 2) обнаружен скелет богато вооруженного мужчины с закопанным рядом конем. У правой ноги воина обнаружен большой наконечник копья с профилированным пером, на левой ноге — небольшой железный умбон щита. У левого бока умершего боевой нож длиной 32 см. Около

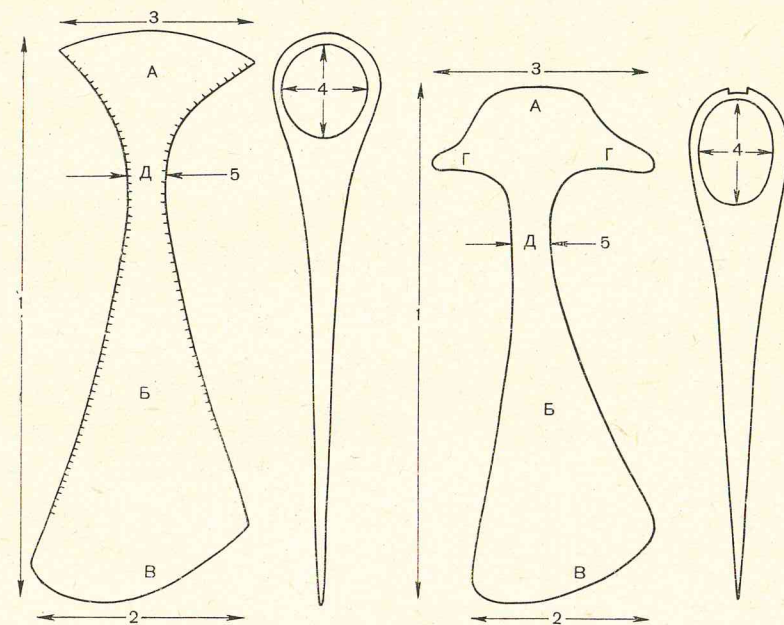

Рис. 1. Названия частей и система измерения боевых топоров: А — обух, Б — корпус, В — лезвие, Г — щековица-выступ, Д — туловище; 1 — общая длина, 2 — ширина лезвия, 3 — длина обуха, 4 — диаметр отверстия для топорика, 5 — ширина туловища

правой ноги, у тазовых костей, — боевой орнаментированный топор с расширяющимся в обе стороны лезвием. Размеры топоров: 1-й—23 см, 2-й—7, 3-й—7,5, 4-й—4×3,2, 5-й—1 см. Названия частей боевых топоров и система измерения даны на рис. 1. Обнаружена арбалетовидная фибула и железная пряжка (рис. 2). Судя по форме фибулы и наконечника копья, погребение датируется первой половиной VI в. В Няравай-Григишкес в кургане № 18 (погребение 3) обнаружены: орнаментированный боевой топор, нож со следами обжига и втуль-

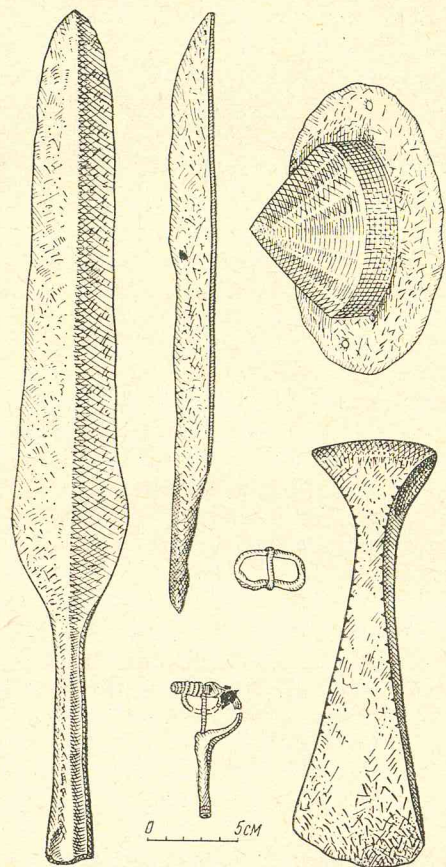

Рис. 2. Погребальный инвентарь из кургана 1, погребение 2 в Таурапилисе (Утенский р-н)

чатый наконечник копья в виде двух расходящихся в стороны шипов⁸. Погребение датируется V—VII вв.⁹ Размеры топоров: 1-й—19,5 см, 2-й—6,2, 3-й—6,8, 4-й—4,0×3,2, 5-й—1,8 см. Как случайная находка в ИЭМ Литовской ССР попал боевой топор¹⁰ и втульчатый наконечник копья с ромбовидной формой пера из села Пяркаляй. Размеры топоров: 1-й—19,8 см, 2-й—6,6, 3-й—6,1, 4-й—3,9×2,9, 5-й—1,7 см. Два орнаментированных узколезвийных проушных топора имеются из раскопок 1889, 1890, 1893 гг. в Памусай¹¹. К сожалению, невозможно установить, в каких именно курганах и погребениях этого могильника топоры обнаружены. Размеры топоров: 1-й—19,5 и 17,5 см, 2-й—6,6 и 5,8, 3-й—6,8 и 7,3, 4-й—3,0×2,8 и 3,7×3,2, 5-й—1,4 и 1,7 см. На раскопках 1909 г. в Дукштаском курганном могильнике обнаружен боевой топор маленьких размеров¹²: 1-й—15 см, 2-й—5,4, 3-й—6,5, 4-й—4,3×2,3, 5-й—2,6 см. В ИЭМ в Вильнюсе имеются еще три орнаментированных топора без определения места нахождения¹³. Размеры топоров: 1-й—21,5, 18, 19 см, 2-й—6,5, 6,1, 6, 3-й—7,2, 6,8, 5,5, 4-й—4,4×3,1, 4,5×3,1, 3,9×3,1, 5-й—1,4, 2,5, 1,5 см.

Точная датировка случайно обнаруженных топоров невозможна, но общие их формы близки к рабочим топорам, употреблявшимся с середины I тысячелетия до VIII—IX вв н. э. Вероятно, упомянутые топоры из разрушенных курганов также относятся ко второй половине I тысячелетия н. э. К более позднему времени можно отнести боевой топор из Дукштас. По своей форме он ближе к латгалским топорам IX—X вв.¹⁴ Естественно, что он мог попасть в Литву из Латгалии в IX—X вв.

II. Боевые топоры со щекавицами-выступами по обеим сторонам проуха. В упомянутом могильнике Таурапилис, в кургане 6, обнаружены скелеты мужчины и рядом похороненного коня. На шее умершего серебряная шейная грива. Около правой бедренной кости маленький спиральный перстень и железная пряжка. На левой тазовой кости нож, а у правого колена боевой топор со щекавицами-выступами (рис. 3). Размеры топора: 1-й—17,6 см, 2-й—6, 3-й—7,5, 4-й—4,0×3,0 5-й—1,8 см. Погребение воина датируется концом V—началом VI в. Еще один такой топор в этих курганах был обнаружен в 1910 г.¹⁵ Если судить по находкам, очевидно, что боевые топоры со щекавицами-выступами в Литве начинают появляться где-то на рубеже V—VI вв. Этим же временем датируется и топор из Цегелне Игналинского р-на, курган 2¹⁶. Более поздним временем (V—VII, VI—VII и VIII—IX вв.) датиру-

ются топоры из Вилконис Шальчининкского р-на, Рекучяй Швенческого р-на и Будряны¹⁷. Второй половиной I тысячелетия н. э. датируются топоры из курганов 2, 6 и 8 в Сморгони¹⁸. Отдельные находки топоров со щекавицами-выступами обнаружены в Магунай Игналинского¹⁹, Жвирбляй Вильнюсского²⁰ и Скиняйкяй Зарасайского районов²¹. Топор, найденный в Скиняйкяй, находится в плохом состоянии: у него об-

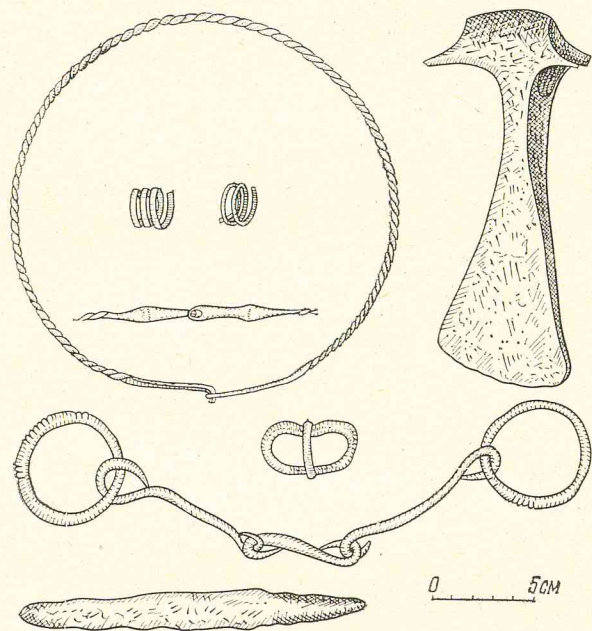

Рис. 3. Погребальный инвентарь из кургана 6 в Таурапилисе (Утенский р-н)

ломаны щекавицы-выступы. Еще пять депаспортизованных боевых топоров находятся в фондах ИЭМ и Каунасского государственного исторического музея (далее КГИМ)²². Один из них, по-видимому, обнаружен в Таурапилских курганах.

Узколезвийные проушные топоры со щекавицами-выступами археологи датируют различно. Одни исследователи датируют их серединой и второй половиной I тысячелетия²³, другие — не раньше чем X в.²⁴ Боевые топоры такой формы обнаружены и на соседних с Литвой территориях. Они также датируются по-разному. Четыре топора обнаружены на тер-

ритории Латвии. Датировку этих топоров затрудняет то, что в музеи они попали как случайные находки. Они датируются не раньше чем IX в.²⁵ Два топора известны в Польше, датируются VIII—IX вв.²⁶ Отдельные экземпляры топоров со щекавицами-выступами обнаружены в Эстонии, в кладе из Кунда²⁷, и в Финляндии²⁸. Финские топоры датируются VI—VII вв., остальные — более поздним временем — X—XI вв.

Некоторые данные о топорах, обнаруженных на других территориях, дают возможность по-разному объяснить их происхождение. В кладе из Кунда обнаружено семь топоров этой формы. Это можно связать с торговлей между восточно-литовскими и угрофинскими племенами. Топоры в Польше указывают на связи Восточной Литвы с территориями, лежащими на юге. Топор из Преилы Латвийской ССР со следами обжига. Как полагает М. Атгазис, этот топор из разрушенного погребения с трупосожжением. Такая форма погребения не характерна для Латгалии. Вероятно, это было погребение не литгала, а пришельца из восточной Литвы.

Топоры служили рубящим, реже ударным оружием ближнего боя. Потому их топорница не могли быть очень длинными. Новейшие экспериментальные эргометрические исследования топоров V—VIII вв. в Литве показали, что топорница достигают 49 см. Исследователи пришли к выводу, что длина топорница зависела от физической силы владельца топора. К этому можно добавить, что топорница боевых топоров определялось и способом ведения боя. По-видимому, всадники имели боевые топоры с более длинным топорником, чем пешие воины. Об этом свидетельствует и запечатленная на дверях XII в. из Гнезно сцена, где показан прусский воин с боевым топором, насаженным на короткое топорнице²⁹. Длина топорница частично зависела от веса топора. Длинное и тонкое топорнице при первом ударе могло ломаться. Топоры со щекавицами-выступами тяжелые. Они тяжелее топоров первой группы. Например, вес орнаментированных боевых топоров 285—470 г, а вес топоров со щекавицами-выступами 359—640 г. Самый тяжелый топор со щекавицами-выступами обнаружен в кургане № 8 в Сморгони (640 г). Два других топора из Сморгони весят 540 и 400 г. Своей выразительной формой, массивным обухом они подсказывают, что такими топорами удобнее было не рубить, а ударить обухом. Видимо, они являлись и ударным оружием.

Опираясь на комплекс погребального инвентаря из курганов 1 и 6 в Таурапилисе и других находок боевых топоров,

можно сказать, что топоры обеих групп появляются в восточной части Литвы в середине I тысячелетия н. э. и бытуют до X в. В более позднее время эти топоры уступают место эффективному широколезвийным боевым топорам, распространившимся в основном в западной части Литвы. Вопрос, почему имеется такая хронологическая и территориальная разница, пока остается не решенным (рис. 4).

Время появления боевых топоров важно и тем, что показывает развитие вооружения литовских племен. В связи с ростом имущественного и социального неравенства в середине и второй половине I тысячелетия н. э. учащаются грабительские военные столкновения. Это сильно стимулирует развитие вооружения и способы ведения боя, а также поощряет

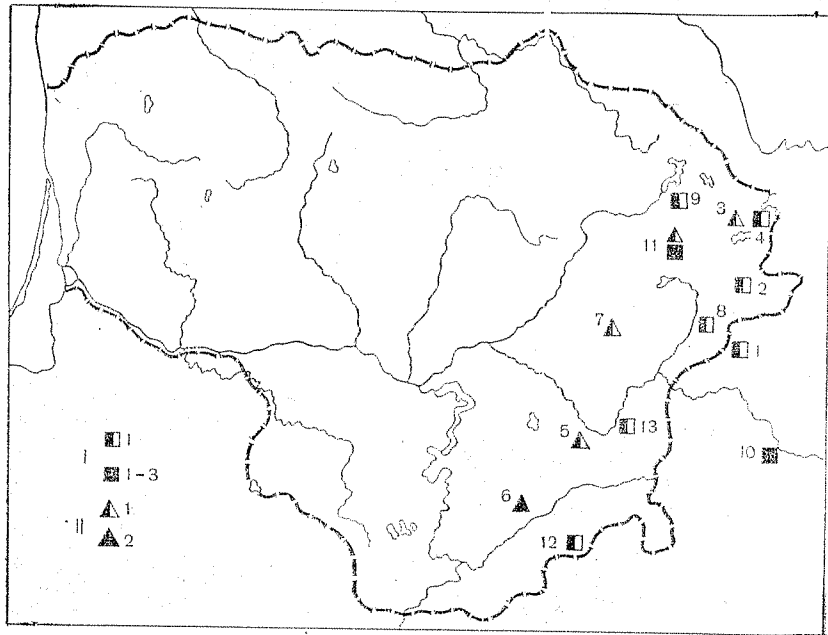

Рис. 4. Местонахождение боевых топоров: I — боевые топоры со щекавицами-выступами, II — орнаментированные боевые топоры. 1 — Будряны, БССР; 2 — Цегельня, Игналинский р-н; 3 — Дукштас, Игналинский р-н; 4 — Магунай, Игналинский р-н; 5 — Няравай-Григишкес, Тракайский р-н; 6 — Памусай, Варенский р-н; 7 — Пяркаляй, Молетский р-н; 8 — Рекучяй Швенчёнский р-н; 9 — Скиняйкяй, Зарасайский р-н; 10 — Сморгонь, БССР; II — Таурапилис, Утенский р-н; 12 — Вилконис, Шальчининкайский р-н; 13 — Жвирбляй, Вильнюсский р-н

появление военных вождей. Археологический материал показывает, что люди, похороненные с боевыми топорами, были богатыми. Особенно это отчетливо видно из раскопанного материала в Таурапилис и Няравай-Григишкес. О многом говорят обнаруженные серебряная шейная гривна, дорогое оружие, а также тот факт, что рядом с умершим хоронили коня. Вероятно, к числу военных вождей можно причислить и умерших, погребенных с боевыми топорами.

В заключение можно сказать: 1. Боевые топоры на территории Литвы в первом тысячелетии н. э. немногочисленны. Известен только 21 топор. 2. Боевые узколезвийные проушные орнаментированные топоры и топоры со щекавицами-выступами по обеим сторонам проуха начинают появляться с середины I тысячелетия н. э. и бытуют до X в. 3. Территория распространения обеих групп боевых топоров — восточная Литва и Западная Белоруссия — бывший ареал культуры штрихованной керамики⁴. Боевые топоры обнаружены в богатых погребениях. Они являются оружием военных вождей.

¹ Lietuvos TSR archeologijos atlasas, t. IV.—Vilnius, 1978, p. 110, 113, žem. 62 ir 63.

² Кирпичников А. Н. Боевые топоры.— Археология СССР. Древнерусское оружие. САИ, Е 1-36. М.—Л., 1966, с. 26—57, табл. XI—XX и др.

³ Volkaitė-Kulikauskienė R. Kovos kirviai ankstyvojo feodalizmo laikotarpiu.—LTSR MADA, 1964, t. 1 (16), p. 101—114; Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuviai IX—XII amžiais.—Vilnius, 1970, p. 208—217, lent LXI—LXIV.

⁴ Atgāzis M. Latgalu 9.—12. gs. cirvji.—Arheologija un etnogrāfija, t. VI. Rīga, 1964, lpp. 105—125.

⁵ Таутавичюс А. К вопросу о хронологии восточнолитовских боевых топоров.— In: Pronsiajast varase feodalismini. Uurimusi Baltimaade ja naaberlaine arheoloogias. Tallinn, 1966, lk. 187—191.

⁶ Volkaitė-Kulikauskienė R. Kovos kirviai..., p. 110.

⁷ Руководитель раскопок А. Таутавичюс. Отчет раскопок находится в Институте истории АН Литовской ССР, в секторе археологии (далее ИИ СА), инв. № 303; Таутавичюс А. Taurapilio pilkapiai (Utenos raj.) kasinėjimai 1970—ir 1971 metais.— In: Archeologiniai ir etnografiniai tyrimai Lietuvoje 1970 ir 1971 metais. Vilnius, 1972, p. 40—48.

⁸ Руководитель раскопок О. Кунцене. Отчет в ИИСА, инв. № 429, 523; Kuncienė O. M. e. V—VII amžių užbarzdinis ietigalis iš Grigiškių (Neravų) pilkapyno.—LTSR MADA, 1978, t. 2 (63), pav. 1.

⁹ Kuncienė O. M. e. V—VII amžių užbarzdinis..., p. 62.

¹⁰ ИЭМ, 514:2.

¹¹ ИЭМ, 122:40, 41.

¹² Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, рис. 281:9. Топор находится в Каунасском государственном историческом музее, инв. № 750:28.

¹³ ИЭМ, 384:144, 145, 146.

¹⁴ Atgāzis M. Latgalu 9.—12. gs. cirvji, рис. 1—1,2, 5—1,2.

- ¹⁵ Snapštis. Mūsų piliakalniai.— Viltis, 1910 lapkričio 10 (21), p. 2.
- ¹⁶ Таутавичюс А. К вопросу о хронологии..., с. 187. Топор находится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде, инв. № 788/13.
- ¹⁷ Там же, с. 188—189. Топор из Вилконис находится в ИЭМ, 128; топор из Рекучай — в Государственном Эрмитаже, инв. № 787/1; топор из Будряны — в Государственном историческом музее в Москве.
- ¹⁸ Там же, с. 188; Его же. Восточнолитовские курганы.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1955, рис. 5. Топоры находятся в ИЭМ, инв. № 237 : 12, 56, 60.
- ¹⁹ Žio gas J. Archeologiški tyrinėjimai Gaidės apylinkėje.— Lietuvių tauta, kn. 1, d. 3, p. 14.
- ²⁰ ИЭМ, 141 : 2.
- ²¹ КГИМ, 1232 : 1.
- ²² ИЭМ, 384 : 148, 150, 152; КГИМ, 750 : 25, 1058.
- ²³ Таутавичюс А. К вопросу о хронологии...
- ²⁴ Volkaitė-Kulikauskienė R. Kovos kirviai..., p. 112; Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuviai IX—XII amžiais, p. 217.
- ²⁵ Atgāzis M. Latgali 9.—12. gs. cirvji, p. 112.
- ²⁶ Sarnowska W. Topory wczesnośredniowieczne z obszaru Śląska.— Swiatowit, t. XXIV, 1962, s. 497; Nadolski A. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku.— Łódź, 1954, s. 44, 256, tabl. XVI: 2.
- ²⁷ Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga 1896.— Riga, 1896, S. 21, XIII. Taf. 22:13.
- ²⁸ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands, I.—Helsinki, 1947, S. 56, Taf. 66:534.
- ²⁹ Nadolski A. Studia nad uzbrojeniem polskim..., s. 36.

М. И. ЛОШЕНКОВ

О ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАНЯТИЯХ НАСЕЛЕНИЯ БОЛОТНЫХ ГОРОДИЩ ЮЖНОЙ БЕЛОРУССИИ

На территории современной Белоруссии находится несколько сотен своеобразных археологических памятников — болотных городищ. Во время исследования такого типа памятников Смоленщины П. Н. Третьяков отмечал, что в европейской части СССР много болотных городищ известно на территории Белоруссии и смежных с нею полесских и верхнеднепровских областей, бывших в далеком прошлом страной обширных болот¹. Согласно данным, опубликованным Л. Д. Поболем, на территории БССР их насчитывается 250. Из них 177 приходится на Гомельскую область, 17 — на Могилевскую, 31 — на Минскую, 11 — на Брестскую и 4 — на Витебскую². Однако количество болотных городищ этим не исчерпывается. В 1976 г. Г. В. Штыхов, обследуя Речицкий р-н, открыл несколько ранее неизвестных таких городищ³. Аналогичные памятники выявлены автором во время обследования

Лоевского и Брагинского районов Гомельской области в 1977 г.⁴.

О. Н. Мельниковская отмечает, что в южной Белоруссии преобладают не болотные, а мысовые городища. Она соглашается с Е. Р. Романовым, который считал, что на левобережье Днепра две трети от общего числа городищ — мысовые городища⁵, в таком случае на болотные городища приходится одна треть. На правобережье, по мнению О. Н. Мельниковской, процент мысовых городищ более высок⁶. До настоящего времени в археологической науке нет четкого определения болотных городищ как отдельной категории археологических памятников. Они не являлись объектами длительных систематических археологических исследований (раскопок). Проводилось топографическое описание памятников, уточнялись их формы и размеры, системы укреплений, снимались схематические планы, шурфовались площадки городищ, собирался подъемный материал. Попытки О. Н. Мельниковской классифицировать городища по форме площадки и периодам их существования не дали результатов⁷. Ввиду крайне незначительного вещевого материала трудно говорить о датировке этих памятников. Керамика и вещи из раскопок этих городищ позволяют относить их к раннему железному веку и связывать с милоградской и раннезарубинецкой культурами. Внешнее описание памятников, даже полное, не раскрывает его основного содержания (конкретное назначение болотного городища, его функции). Появление городищ как особого типа укрепленных поселений — результат закономерного исторического развития общества в период разложения первобытнообщинного строя, и, естественно, они имели вполне определенное, конкретное назначение.

Наличие или отсутствие культурного слоя, очевидно, следует связывать с различным функциональным назначением болотных городищ, с интенсивностью использования их населением в целях самозащиты, выполнения ритуальных обрядов, временного и длительного проживания на них. Природные условия, безусловно, оказывали влияние на характер укрепления, форму и размеры городища, как это отмечали исследователи⁸. Однако природные условия по-разному могли влиять на характер поселения и на хозяйственные занятия племен, родов и семей. Комплекс географических условий, которые первобытный человек не в силах был изменить, но постоянно стремился извлечь из него наибольшую пользу для себя и своего рода, воздействовал на специфику производст-